Автор: admin
09.09.2011 10:11 - Обновлено 31.10.2014 05:01

Можно ли не любить Новый год? Взгляд из прошлого

Новый год – не просто праздник. И это его основное отличие от других.

Да, наверное, не совсем понятно. Согласен, мой друг, согласен. Нельзя вот так, сходу, декларировать какие-то ясные только себе истины. Сейчас, сейчас исправлюсь. Начну с другого.

Возьмем Рождество. Это – типичный праздник, по какой-то случайности стоящий в календарном ряду рядом с Новым годом. И отмечается он так же, как и любой другой.

Только не надо говорить, что я не прав. Что все праздники совершенно разные и отмечаются тоже по-разному. Что в Пасху едят пасху, а в день рождения шоколадный торт. Это мелочи, мой друг. Несущественно.

Да, несущественно и второстепенно. Мы ведь говорим об философских отличиях. Разнице в парадигмах.

Поэтому, несмотря на возражения, смею продолжить. Смею настаивать на своем: все праздники проходят одинаково. Сначала восхваление предмета торжества. Неважно, что это: именинник или знаменательная дата. В день ракетных войск мы вспоминаем тех, кто своим героическим трудом, славными трудовыми победами создал наши замечательные ракетные войска. Слава им. В Пасху мы поминаем славно воскресшего Иисуса; со словами «Христос воскресе!» лобызаем друг друга и дарим разноцветные яйца. Слава Иисусу. В Международный Женский День мы ликующе оплакиваем Клару Цеткин и Розу Люксембург, жестоко замученных нацистскими палачами за свои феминистские взгляды. Что? Клара Цеткин умерла от старости? А-а... неважно это. Слава Кларе и Розе.

День рождения, проводы на пенсию, торжества по поводу вручения Госпремии за реальный вклад в... куда-нибудь... Мы восхваляем того, кто совершил этот героический подвиг (хотите поспорить, что родиться – это не подвиг, или принести свою жизнь на

алтарь работы – не героика?), кто накрыл нам поляну, кто (пока еще) праздничный и нарядный сидит в первом ряду и, глупо улыбаясь, выслушивает разглагольствования (как правило, не по теме) и дифирамбы в свой адрес. Завтра и он, и вы будете пить аспирин, класть мокрый платок на голову и мечтать умереть при рождении. Послезавтра и вы, и он забудете о прошедшем торжестве. Жизнь продолжается, господа!

И так в любой праздник. Но! Но. Не в Новый год.

Хотим мы этого или нет, осознаем – или загоняем в подсознание, но Новый год есть некая сакральная дата. Архетип. Условный рубеж, который отделяет нас вчерашних от нас завтрашних. Отделяет наши беды, хлопоты и проблемы – и оставляет их позади, в мутной пене прибоя жизни, в море серых будней. В то время как нас выносит на прекрасный и праздничный берег, где не существует забот, где все разрешается без усилий, где мы самые любимые и долгожданные, где – априори – все люди добрые, понимающие и терпеливые.

Мы поднимаем бокал и говорим: «Прошедший год выдался для всех нас трудным. Но мы выстояли. Мы добрались, наконец, до этого дня. До Нового года! Давайте пожелаем, чтобы в новом году для нас... и успешнее... любимы... а также... денег, счастья, здоровья и долгих лет жизни!».

И самое интересное, что все это – не просто слова. Мы неистово, по-настоящему, самозабвенно и исступленно верим в то, что наступающий год не может нести ничего, кроме белых и пушистых дней всеобщего счастья.

В детстве мы ходили на Елки. Елкой называлось вовсе не дерево, а полноценный праздник. Со всеми необходимыми атрибутами. С праздничным представлением, которое смотрелось так, что сейчас ему позавидовал бы Борис Моисеев: затаив дыхание и сопереживая всем сердцем; с подарками, в которых среди мандаринов, печенья, вафель и килограмма леденцов прятались несколько настоящих шоколадных конфет; с соревнованиями и конкурсами, где мог выиграть каждый; с хороводом вокруг громадного мохнатого дерева, украшенного тысячами игрушек и разноцветных гирлянд (о! зависть, зависть...); с песнями про Дедушку Мороза и Снегурочку, певшимися действительно от души.

Так вот. На этих представлениях обязательный отрицательный персонаж (баба Яга, черт, злой Кот-Боярский, Леший) пытался помешать празднику: похищал елку или подарки, или Снегурочку, или юный Нового года. Естественно, козни его разоблачались, планы расстраивались, а самого похитителя либо изгоняли, либо перевоспитывали.

Как я теперь понимаю, перевоспитания на самом деле не было; так говорилось для того, чтобы не расстроить впечатлительную детскую душу. На самом же деле подразумевалось одно: этому персонажу с его отвратительными привычками (жадность, зависть и прочее) в новом году делать нечего. И ему туда не пройти, он навсегда останется в прошлом году, а мы все понесемся в светлое, счастливое будущее.

Еще раз: ему туда не пройти, как бы ни старался.

А злодей, кстати, и не старался. Он тоже знал это, понимал и осознавал. Барьер. Фильтр, который чистит нас от зла. Который пропускает только хорошее. Плохое не пройдет.

Поэтому все, что злодей мог сделать – это разными хитроумными пакостями попытаться не пустить нас туда. Оставить с собой в старом году. Вместе с нашим злом. Нашими интригами. Всей той гадостью, что копилась целый год.

Но мы-то знаем – мы пройдем. А наше зло, корчась и подвывая, останется.

Хотя нет. Не знаем. Только надеемся. В глубине души живет страх: может, зла накопилось столько, что барьер не сможет очистить нас?.. И мы навсегда останемся здесь, среди брошенных плохих привычек, нехороших черт характера и мерзких наклонностей?

Но мы – сознательные существа. И если озвучить вышесказанное – мы только посмеемся. Что за детские страхи? Что за бред воспаленного мозга? Что за больная

фантазия? Напридумывали тут...

Поэтому такие мысли вытесняются в подсознание. И оно охотно принимает их в себя. Чтобы еще более эффективно и неосознаваемо влиять на нас. Усилить наши неосознанные страхи. Наши вечные неизлечимые фобии. Наши опасные и запретные желания.

И влияет – перечитайте Юнга. Хоть мы и не верим в это.

Но вспомните, с каким напряжением мы – веселые, не верящие в подсознание, самодостаточные люди – ждем последнего боя курантов: «...девять... десять... одиннадцать... ну... ну... Ну! Двенадцать!!!».

И с каким облегчением радуемся, целуем друг друга, пьем шампанское, разбрасываем конфетти. Гора упала с плеч: нас пропустили в Новый год!

Фанфары, серпантин, фейерверки. И – самое главное – счастье и покой. До следующего Нового года.

Вот так.

Не надо говорить, что Новый год – всего лишь дата. Что у разных народов он приходится на разные дни. Что большинство наций обходится без торжественного отмечания этого праздника. Что вы вообще уходите спать, не дожидаясь боя курантов.

Мне жаль вас. Мне жаль эти ничтожные нации. Живые роботы, оставившие свою душу в одном из прошедших годов. Спокойно, чинно и в меру радостно достающие давно согласованные подарки из уютных носков над каминами. Очередной день, которых в их жизни были тысячи. Завтра будет новый день. Колея непрерывна.

Мне жаль их.

В этот Новый год я напьюсь. Чтобы заглушить страх перед боем курантов. Чтобы не считать каждый удар колокола, пытаясь унять разбушевавшееся сердце. Чтобы избежать волнения, переходящего в панику. Это приблизительно между восьмым и девятым ударом. Чтобы не потерять лица – перед самим собой; не сорваться на счете «Одиннадцать!»; не начать лихорадочно-бодро взвизгивать: «Ура! Двенадцать!» и суетливо выливать шампанское в глотку; давиться пузырьками, но упорно глотать и глотать безвкусное пойло...

Чтобы, проснувшись, не знать, где я нахожусь. В новом ли, светлом году. Или в старом, неизменившемся, таком знакомом и обыденном мире. Не хочу знать.

Потому что догадываюсь.

А вы знаете?

Автор - **Влад Пономарев**

Источник